

Фото: Сергей Щедрин

Анатолий Вишневский — ученый, созидатель, человек твердых убеждений*

Ален Блюм

Institut National d'Études Démographiques (INED),
École des Hautes Études en Sciences Sociales (EHESS), Paris

Анатолий Вишневский ушел от нас 15 января 2021 года. Несмотря на всю энергию, с которой он сражался с болезнью, COVID-19 победил. Анатолию Григорьевичу было 85 лет. До последнего он не прекращал заниматься демографическими исследованиями во главе всемирно известного Института демографии Высшей школы экономики, безусловно, лучшего демографического научного центра России. Его уход — огромная потеря для российской демографической науки, и нам, ученым-демографам из других стран, будет очень не хватать его идей и его влияния, которое распространялось поверх границ и всяческих барьеров.

Важные встречи

Анатолий Вишневский родился 1 апреля 1935 года в Харькове, в УССР. Во время войны его эвакуировали в Новосибирск (и это неожиданно отозвалось в дальнейшем в его научных интересах), но уже в 1944-м он вернулся в свой родной город. После окончания Харьковского университета он начал заниматься урбанистикой, и именно к этому времени относятся его первые контакты с демографией — чтобы создавать планы преобразования города ему, как урбанисту, надо было уметь предсказать, как будет увеличиваться население города.

С самого начала ему посчастливилось общаться с великими демографами, и это оказало решающее влияние на всю его последующую научную деятельность и карьеру, благодаря им он стал именно тем, кем стал, — не только известным ученым, но и создателем одного из лучших институтов демографии в мире. Они же заложили в нем нравственный стержень — он избегал прямой конфронтации с властью, но последовательно отказывался от недопустимых с его точки зрения компромиссов с ней. Ведь демография — это не только наука, но еще и политика, это постоянно возникающие — и иногда яростные — общественные дискуссии.

* Некоторые абзацы этого текста воспроизводят выражения признательности Анатолию Вишневскому от Алена Блюма, Маите Эли, Франса Месле, Владимира Школьниковца, Жака Валленомы, Сергея Захарова, опубликованные на сайте INED (<https://www.ined.fr/fr/hommage-a-anatole-vichnevski>).

Пер. с франц. Натальи Морозовой.

Если посмотреть на биографию Анатолия Вишневого, становятся понятны те трудности, с которыми сталкиваются ученые-демографы — как в СССР, так и в современной России. Но его жизнь демонстрирует нам и то, как, не отрицая политической составляющей, сохраняя верность этическим принципам, можно жить и заниматься наукой, обходя политику стороной.

Жизнь Анатолия Вишневого была богата на встречи с выдающимися коллегами, и именно они во многом определили его научные и человеческие интересы. Он работал в Отделе демографии Института экономики АН УССР в Киеве, основанном академиком М. В. Птухой в 1922 году, — по сути, в первом в мире демографическом научном центре и колыбели советской демографии. Через несколько лет, в 1971 году, Андрей Гаврилович Волков, заведующий Отделом демографии НИИ по проектированию вычислительных центров и систем экономической информации (НИИ ЦСУ СССР), при поддержке директора этого института А. Я. Боярского, пригласил Анатолия Вишневого на работу, где тот проведет 13 лет. Так Вишневскому выпал шанс близко познакомиться с великими демографами и статистиками своего времени: Аароном Боярским, Борисом Урланисом, Розой Сифман. Многих из этих ученых тоже затронули репрессии, кого-то непосредственно, иные ощутили на себе лишь их холодное дыхание, в разговорах с ними Вишневский открывал для себя весь ужас сталинского террора. Эти беседы оставили неизгладимый след. Михаил Курман, во время Большого террора получивший 10 лет лагерей, и только в 1955 году освободившийся и позднее реабилитированный, рассказывал ему про свой трагический опыт, и Вишневский записал их долгие разговоры на один из редких по тем временам магнитофонов. Эти записи он сохранил до эпохи Перестройки и полностью опубликовал¹ в 1993 году. Именно благодаря таким судьбоносным знакомствам он параллельно осваивал профессию историка. А с начала Перестройки стал работать над созданием истории русской и советской демографии, продолжая труд своих коллег Леонида Дарского, Татьяны Харьковской и Андрея Волкова.

Научные концепции

Я начал свой текст с этих «преданий старины глубокой» потому, что именно эти встречи определили научную и институциональную судьбу Анатолия Вишневого. Работы Анатолия Вишневого относятся к трем направлениям — очевидно разным, даже несмотря на то что все они переплетаются друг с другом. Первое, это, конечно же, научная работа, которую можно отсчитывать с выхода «Демографической революции», ставшей отправной точкой для его стиля научного мышления. Второе — это институциональная работа: с начала Перестройки он твердо намеревался создать то, чего так не хватало России — сильный научный центр

1. Mémoires de M. V. Kurman // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993. Т. 34. № 4. P. 589–629. Частично они были изданы и раньше, однако в первый раз цензура не пропустила некоторые особенно страшные фрагменты.

без каких-либо политических ограничений, со своими научными публикациями, журналами и инструментами для их распространения. И, наконец, третье — общественная деятельность: с конца 1980-х годов Анатолий Вишневский активно участвует в публичных дискуссиях. Несмотря на то что эти три направления взаимосвязаны, мы тем не менее попробуем рассмотреть их каждый по отдельности.

Опубликованная в 1976-м «Демографическая революция» (ее первые концептуальные наброски появились в «Вопросах философии» в 1973-м) стала, несомненно, первой демонстрацией тех убеждений, которые пронизывают все научные труды Анатолия Вишневского. Он обращает внимание прежде всего на объективные процессы социально-демографических изменений, которые не могут быть прерваны политическими решениями. Разумеется, он во многом вдохновлялся концепцией «демографической революции» Адольфа Ландри, которой и наследуют его «социально-демографические преобразования», и теорией «демографического перехода», однако в своих работах Вишневский последовательно отстаивает именно термин «революция», а не «переход», считая, что эта глубокая трансформация не только затрагивает демографические тенденции, но и неизбежно ведет к глобальным социальным изменениям:

Современное состояние теории демографического перехода затрудняет его видение как целостного автономного процесса, имеющего свою внутреннюю детерминацию и активно воздействующего на все социальные процессы, в том числе и на глобальном уровне. Глобальная логика теории демографического перехода часто подменяется локальной логикой, согласно которой эта теория должна подтверждаться опытом каждой отдельной страны. В статье предпринята попытка преодолеть нынешнюю фрагментированность описания демографического перехода, распадающегося на множество «переходов» и «революций», и рассмотреть его как последовательность неизбежных крупных этапов единой глобальной «цепной реакции», запущенной снижением смертности. (Вишневский, 2014: 1)

Таким образом, возвращаясь к этой, такой важной для него, теме в 2014 году, он подчеркивает комплексный характер, которым наделена демография как выражение коллективного социального поведения, эволюционирующего вне границ и политических систем. Эта идея лежала в основе его работ на протяжении всей его научной карьеры и привела, после долгих лет исследований и размышлений, к концепции «консервативной модернизации», которая, по его мнению, является отличительной чертой российского общества и общества других постсоветских республик.

И эта же концепция консервативной модернизации развивается на протяжении второго этапа его долгого интеллектуального пути, размеченного, как верстовыми столбами, тремя монографиями, четко очерчивающими рамки размышлений Вишневского: «Воспроизводство населения и общества. История, современность,

взгляд в будущее» (1982), «Серп и рубль» (1998)², которую прочли далеко за пределами России, и коллективный труд, подготовленный под его руководством, — «Демографическая модернизация России. 1900–2000» (2006). В этих трех работах формулируется ядро теории, связывающей индивидуальное демографическое поведение с коллективным, подверженным консервативной модернизации. В результате он приходит к выводу о недальновидности демографической политики, не учитывающей глубину происходящих перемен, не сводящихся к демографическим преобразованиям, но коренящихся в социальных потрясениях.

По мнению Анатолия Вишневского, Россия (СССР) пережила неудачную модернизацию, отмеченную разрывом между ускоренной модернизацией экономики и отставанием изменений в социальной, культурной и политической жизни, что привело к сильному напряжению, пронизывающему российское общество и поныне. Различные формы модернизации не соответствовали друг другу, и это привело к тяжелым демографическим последствиям. В России наблюдались те же тенденции, что и в других странах Европы, но для России были характерны более сильные разрывы между экономическими и социальными преобразованиями. В определенные моменты истории XX века политические решения демонстрируют консервативный возврат, который происходит на фоне глубоких трансформаций семьи и общества в целом. Как мы видим, эта идея остается очень актуальной и сегодня, в то время когда демографическая политика властей явно ориентирована на консервативную модель, далекую от практики.

По мнению Вишневского, консервативная модернизация была неизбежна для России. В одной из своих работ он в духе альтернативной истории (ставшей модной много позднее) предполагает, что победа большевиков в Гражданской войне не имела решающего значения для хода социально-экономических преобразований и что победа белых вряд ли изменила бы ход истории:

Но если предположить, что восемьдесят лет назад события повернулись бы по-иному и какой-нибудь антипод Маяковского написал бы «Правый марш» с призывом распрях «клячу историю» и вернуться к закону, «данному Адамом и Евой», то он тоже наверняка был бы разочарован. Окажись у власти в России открытые защитники прошлого и противники перемен, они быстро расправились бы с носителями слишком революционных идей в политике, экономике или культуре (в основном с теми же, с кем и расправились большевики сталинского розлива), а затем начали бы «леветь», втягиваясь в столь необходимую России модернизацию, и в конце концов пришли бы — двигаясь с другой стороны, к тому же консервативно-модернизационному компромиссу. Внешний рисунок российской истории XX века был бы иным, но лишь в деталях. При всей невероятности масштабов долговременного «красного террора», нельзя поручиться, что «белый террор» был бы более умеренным. Предреволюционный раскол общества был очень глубоким, былым победителям пришлось бы опираться на те же социальные слои, на которые опирались и красные, а параноики были не только у большевиков.

2. По-французски она вышла в престижной серии Bibliothèque des histoires издательства Gallimard.

Глубинные же экономические и социальные перемены оказались бы, скорее всего, очень сходными с теми, что и имели место на самом деле. Россия могла продвинуться по пути модернизации немного больше или немного меньше. Зная условия старта в начале столетия, при самом большом разгуле фантазии, трудно представить себе Россию конца XX века опередившей США или Западную Европу по уровню развития промышленности, науки или либеральных институтов. Возможно было лишь сокращение разрыва, оно и произошло. (Вишневский, 1998: 417)

Частные судьбы

Анатолий Вишневский был очень чувствителен к подходам, связанным с коллективным поведением, и поэтому, чтобы писать об индивидуальных судьбах людей, он искал литературную форму. И здесь возникало неожиданное и интересное напряжение — которое он, возможно, не смог выразить до конца — в его восприятии большой истории как малоподатливой и малочувствительной к политическим разрывам. Как бы то ни было, эссе, написанное им как роман-коллаж, «Перехваченные письма — Борис, Дина, Кот и их мир, с 1917 года по настоящее время» (Вишневский, 2008), а затем второй роман «Жизнеописание Петра Степановича К.»³ — это путешествия по жизням, которые либо пришлось на весь XX век, либо, напротив, были жестоко прерваны политическим насилием, на которое был так щедр «советский век». Эти работы, основанные на чрезвычайно богатом личном материале (в частности, на переписке), могли бы быть микроисториями этого столетия, стать иллюстрацией того, как человек становится историческим актором. Но Вишневский предпочел превратить их в романы, где персонажи подчиняются истории, которая властвует над ними и подчиняет их. В каком-то смысле он через творчество выходит из этого напряжения между большой историей и историей судеб — что во многом стало возможно благодаря его литературному дару и удивительному стилю.

Создатель институтов

Анатолий Вишневский был не только ученым, но и создателем институтов, которые сегодня занимают важное место в международной представленности русской демографии. После нескольких лет в НИИ ЦСУ, он в 1984 году перешел на работу в отдел демографии московского Института социологии, где стал наставником нескольких молодых исследователей, которые позже внесли свой вклад в развитие российской науки. Вскоре Вишневский воспользовался возможностями Перестройки, чтобы принять участие в организации различных демографических центров. Институт демографии Высшей школы экономики, открытый в 2007 году, стал его последним детищем, кульминацией многочисленных усилий по созданию международно признанного института. Здесь он продолжает плодотворное со-

3. В 2014 году он вошел в шорт-лист Букеровской премии.

трудничество с наиболее важными демографическими институтами и центрами Европы и США, в частности, с Национальным институтом демографии во Франции (INED), Институтом демографических исследований имени Макса Планка в Ростоке (Германия) и Лондонской школой гигиены и тропической медицины в Великобритании.

Он также принимал активное участие в распространении научных знаний — как с помощью своих международных публикаций, так и создавая новые российские журналы. В сотрудничестве с INED в 1994 году на основе публикации INED *Population & sociétés* он издал информационный бюллетень «Население и общество». Этот бюллетень представлял собой научно обоснованные аналитические материалы, ориентированные на широкую публику, но написанные не журналистами — популяризаторами науки, а профессиональными учеными. Из него позднее выросло более амбициозное и чрезвычайно насыщенное издание — электронный журнал «Demoscope Weekly», статьи которого сочетают в себе глубокий анализ и понимание общественно-политического использования демографии. В нем же присутствуют разделы, материалы которых реагируют непосредственно на публичные заявления, в частности, раздел «Что мы знаем о лисе», где научная строгость перемежается с юмором. Ссылки на этот журнал стали обязательными практически в любом современном труде по демографии. В 2014 году был запущен еще один научный журнал «Демографическое обозрение», который также занял авторитетное место в кругу крупных научных демографических журналов.

Открытость миру

Институциональные свершения Вишневого были глубоко связаны с открытостью международной науке, которую он всегда отстаивал и претворял в жизнь. Он был увлечен французской демографией — и здесь в очередной раз его личная биография переплетается с научными интересами. Он встретил свою жену Марину вскоре после 1955 года, когда она приехала в СССР. Марина Вишневская родилась во Франции и училась в Ангьен-ле-Бен, но ее отец, бежавший из России, так тосковал по родине, что откликнулся на призывы Сталина вернуться, обращенные к «соотечественникам». К счастью для семьи Марины, процесс затянулся, и они оказались на родине уже после смерти Сталина, вероятно, избежав репрессий, которым подвергались многие реэмигранты. После знакомства с Мариной Анатолий Вишневский выучил французский язык (и этим языком он овладел в совершенстве), а выбрав карьеру демографа, обратился к работам французских ученых, которые тогда доминировали в этой науке. Еще до Перестройки он общался с французскими демографами, как бы это ни было трудно в те времена. И мне очень лестно, что я был одним из тех молодых тогда ученых, кого Анатолий Вишневский удостоил своей дружбой. Он сопровождал меня в моем «советском и русском путешествии», помог мне выбрать направление исследований, связанное с историей населения СССР.

В самом начале 1980-х годов Жерар Кало, тогдашний директор Национального института демографических исследований, придал новый импульс отношениям между INED и исследователями-демографами в СССР, продолжая дело основателя института Альфреда Сови с его интересом к России. Жерар Кало стремился поддерживать контакты с учеными из восточноевропейских стран, сознавая, что, несмотря на различные политические контексты, у него с ними общие интересы с точки зрения демографической политики и интерпретации демографических тенденций. Научные обмены сопровождались более или менее продолжительными визитами ученых, стажировками, коллоквиумами и совместными конференциями. Анатолий Вишневский тогда работал в отделе демографии Института социологии АН СССР и, естественно, стал связующим звеном в научной коммуникации с французскими коллегами. Здесь я и познакомился с ним в 1984 году. Этот отдел возглавлял Леонид Рыбаковский, который в то время также активно поддерживал международные отношения и инициировал несколько конференций и обменов с Францией. Анатолий Вишневский отвечал за научную поддержку моего визита. Он представил меня команде ученых, некоторые из них потом стали выдающимися российскими исследователями в области демографии⁴. Я помню то внимание, которое он мне уделял, его всегда очень точные и дельные советы. Но наше общение сопровождало также и ограничения, например, он не мог предоставить мне статистику смертности, а приглашения в гости были исключительно тайными. Он советовал мне заняться анализом демографической политики и познакомил меня с известными демографами того времени, в основном теми, кто работал в ЦСУ до того, как он стал Госкомстатом, а затем Росстатом⁵.

Однако вскоре, уже на фоне Перестройки, произошло столкновение двух сильных личностей — Леонида Рыбаковского и Анатолия Вишневского: их научные концепции были совершенно разными, а затем разошлись еще больше. Стремление Вишневского к научной строгости противостояло идеологизированности российской науки. Покидая институт, Анатолий Вишневский успел еще воспользоваться открытостью тех лет для дальнейшего укрепления многочисленных совместных франко-российских исследовательских проектов: отправлял своих молодых коллег, в некотором роде учеников, во Францию для организации исследований, в частности, по динамике рождаемости⁶ и смертности⁷, и в меньшей степени по миграции⁸. Эти франко-советские, а потом и франко-российские проекты продолжают и по сей день. Получив сильный международный резонанс, они положили начало долгосрочному сотрудничеству по вопросам смертности,

4. Тогда я общался с Сергеем Захаровым и Александром Авдеевым. Хочу упомянуть еще Александра Аничкина и Светлану Куприянову, которые впоследствии отошли от демографии.

5. Мне посчастливилось общаться с группой ученых, которые собирались вокруг Андрея Волкова, Леонида Дарского, Евгения Андреева, Татьяны Харьковской.

6. Сергей Захаров и Елена Долгих, которая впоследствии отошла от демографии.

7. Владимир Школьников, а также Евгений Андреев, который позднее стал коллегой Вишневского по Институту демографии НИУ ВШЭ.

8. Юлия Флоринская.

демографической истории СССР и России⁹, а также по многим другим проблемам. Команда, собранная Вишневым (а он умел окружать себя талантливыми профессионалами из разных поколений¹⁰), всегда оставалась приверженной науке без границ, что сегодня порой, увы, вызывает проблемы.

Общественное служение

Во всех своих демографических работах, посвященных эволюции российского и советского обществ, Анатолий Вишневский всегда сохранял научную строгость, преданность фактам и выверенной аналитике. Этой страстью к анализу демографического будущего, влияния политики на поведение и неизбежности определенных тенденций во многом обусловлено его участие в общественных дискуссиях. Концепция, разработанная им в «Демографической революции», увидела свет в СССР не в самое удачное время: незадолго до начала дебатов о демографической политике, которая призвана была, по мнению властей, остановить снижение рождаемости в СССР и выразилась в политических решениях 1981 года. Подчеркивая неизбежность трансформации демографического поведения, Вишневский ставил под сомнение успешность краткосрочной политики, направленной на поощрение устойчивого подъема рождаемости. Его участие в общественных дискуссиях особенно заметно в эпоху Перестройки и в начале 2000-х годов, когда эти дебаты о демографии стали беспрецедентными по своим масштабам. Вишневский без колебаний отстаивал свои идеи в популярных газетах, в радио- и телепередачах, но, естественно, и в экспертных группах, создававших аналитические материалы для политических деятелей. Он всегда отстаивал свою позицию без компромиссов, придерживаясь прежде всего научной точности, за что порой подвергался нападкам, подчас очень резким и грубым.

Вишневский не рассматривал снижение численности населения само по себе как катастрофу, важным, по его мнению, являются социальный статус, образование, формы происходящих в обществе изменений, позволяющие лучше реагировать на глобальные преобразования современного мира. Цифры ни о чем не говорят, если нет анализа глубоких преобразований. Более того, энергичная демографическая политика может дать лишь краткосрочный ожидаемый эффект, но не в долгосрочной перспективе, именно из-за отсутствия учета и поддержки глубинных трансформаций. Современное демографическое поведение населения России может отличаться от поведения в некоторых европейских странах, но схожесть долговременных тенденций очевидна. Вишневский не выступает против политики, делающей акцент на поддержке семьи, но подчеркивает, что она не сможет противодействовать длительным и достаточно общим тенденциям. Так, он весьма скептически относился к последствиям демографической политики 2006–2020 го-

9. Ирина Троицкая и Александр Авдеев (отделение демографии экономического факультета МГУ) активно участвуют во французско-российских проектах на эту тему.

10. В этой команде была, например, его ровесница Жанна Зайончковская.

дов, влияние которой, как было подтверждено, по большей части сказалось в изменениях календаря рождений, а не в существенных изменениях в моделях семьи. Эти выводы были основаны на глубоком изучении международного опыта в области демографической политики.

* * *

Анатолий Вишневский был не просто демографом, но человеком широкой культуры, «интеллектуалом» во французском смысле этого слова, представителем «интеллигенции» в русском смысле. Это подтверждают его труды. Достаточно обратить внимание на мастерство, объединяющее его строго научные и литературные произведения. Анатолий Вишневский был великим гуманистом, и этот дар он передал своим ученикам и коллегам, которые были с ним рядом во время создания Института демографии. Он передал его и всем своим французским коллегам, с которыми встречался каждый год в Париже и Москве. От него исходила удивительная энергия, страсть к познанию, приверженность своим убеждениям. До конца своих дней он пользовался огромным уважением не только как ученый, но и как общественный деятель.

Несколько самых важных публикаций А. Г. Вишневского

- Демографическая революция // Вопросы философии. 1973. № 2. С. 633–645.
- Демографическая политика и демографический оптимум // Демографическая политика / Под ред. В. С. Стешенко и В. П. Пискунова. М.: Статистика, 1974. С. 69–80.
- Демографическая революция. М.: Статистика, 1976.
- Ранние этапы становления современного типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А. Г. Вишневского. М., 1977. С. 105–134.
- Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.
- Révolution démographique et fécondité en URSS du XIXe siècle à la période contemporaine // Population. Т. 43. № 4–5. Р. 799–814.
- Идеологизированная демография // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 10. (Ред.)
- Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М.: Наука, 1992.
- Évaluation du nombre de naissances dans la Russie pré-révolutionnaires (1840–1913) // Modèles de la démographie historique. Congrès et colloques n° 11. Paris: Ined, 1992. Р. 61–74.
- Л'émigration de l'ex-Union soviétique: prémices et inconnues // Revue Européenne des Migrations Internationales. 1992. Т. 8. № 1. Р. 41–65. (Соавтор Ж. Зайончковская)

- Демографические изменения и национализм // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 22–35.
- L'Asie centrale post-soviétique: entre le colonialisme et la modernité // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1995. Т. 26. № 4. Р. 101–123.
- Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998, 2010. Перевод на французский язык: La faucille et le rouble: la modernisation conservatrice en U.R.S.S. Paris: Gallimard, 2000.
- Подъем смертности в 90-е годы: факт или артефакт? // Население и общество. 2000. № 45; Мир России. 2000. № 3.
- La modernisation de la Russie: un long chemin // Le Débat. 2001. № 113.
- Избранные демографические труды в 2 т. М.: Наука, 2005.
- Русский или прусский? Размышления переходного времени. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- Демографическая модернизация России. 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. (Ред.)
- Сбережение народа или депопуляция России? Доклад на XI Международной конференции ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества. М.: ГУ ВШЭ, 2010.
- Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 88–109.
- Жизнеописание Петра Степановича К. М.: Знак, 2013.
- Перехваченные письма: роман-коллаж. М.: ОГИ, 2008. Перевод на французский язык: Lettres interceptées. Boris Pavlovski et les autres. Roman-montage. Paris: Gallimard (Témoins), 2005.
- Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 6–40.
- Время демографических перемен: Избранные статьи. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- Смертность от внешних причин в России с середины XX века. 2017. (Ред.)
- Нерешенные вопросы теории демографической революции // Население и экономика. 2017. № 1. С. 3–21.
- Демографическая история и демографическая теория. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Эпидемиологический переход и его интерпретации // Демографическое обозрение. 2020. № 3. С. 6–50.